

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2013

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)
Н40

*Издание
выполнено при поддержке
Японского фонда*

JAPAN FOUNDATION
国際交流基金

Составление
и ответственное редактирование
Е. С. Бакшеев, В. В. Щепкин

Н40 Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1255-9

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, основанные на докладах, представленных в рамках «Невских чтений» — международного симпозиума в честь 120-летия со дня рождения выдающегося российского востоковеда Николая Александровича Невского (1892–1937). Проблематика статей определена разносторонним характером исследований, которым посвятил себя ученый: мифология, синто, айноведение, язык и культура Рюкю, тангутоведение и др.

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)

ISBN 978-5-8465-1255-9

© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2013
© Российский институт культурологии
Министерства культуры РФ, 2013
© С. В. Лебединский, оформление, 2013

К. Г. Маранджян

**О НЕОЖИДАННОЙ НАХОДКЕ
В АРХИВЕ Д. ПОЗДНЕЕВА (1865–1937) В РУКОПИСНОМ
ОТДЕЛЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ:
«УЧЕБНИК РАЗГОВОРНОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА»
ИВАНА ХВАНА**

В фондах РНБ хранится архив известного отечественного востоковеда-дальневосточника Д. М. Позднеева (фонд 590), по праву считающегося одним из основателей отечественного японоведения.

Официально архив называется «Позднеевы: Дмитрий Матвеевич и Алексей Матвеевич», однако, на самом деле является архивом Д. М. Позднеева, конфискованным у него во время ареста в октябре 1937 г.¹ Среди материалов архива были и работы его старшего брата, монголиста А. М. Позднеева (1851–1920), именно поэтому, вероятно, архив и получил такое название.

Как свидетельствует опись этого фонда, архив поступил в РНБ «после 1938 г.», однако был обработан и открыт для пользования в 1958 г., вероятно, после того, как 9 сентября 1957 г. дело в отношении Позднеева Д. М. было прекращено «за отсутствием в его действиях состава преступления». В документах дела фонда 590 нет точной даты и не указан источник поступления, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что архив был передан негласно из соответствующих инстанций. Эту версию подтверждает и то, что поступление архива не зафиксировано ни в одном из справочников РНБ, посвященных новым материалам в фондах библиотеки.

Фонд насчитывает 202 единицы хранения. Он состоит преимущественно из автографов и авторизованных машинописных копий

¹ Это произошло за три дня (01.10.1937) до ареста Н. А. Невского, возможно, что аресты востоковедов были связаны между собой. Всем им было предъявлено обвинение в шпионской деятельности.

научных работ Д. М. Позднеева, документов служебной и общественной деятельности, переписки. В разделе документов имеются отчеты, протоколы, материалы к семинарским занятиям, темы студенческих дипломных сочинений. В отдельный разряд архива входят работы дочери Д. М. Позднеева, японистки В. Д. Позднеевой (в замужестве Плотниковой). Небольшую часть фонда составляют сочинения его старшего брата, известного монголиста А. М. Позднеева. Кроме того, в архиве хранятся материалы людей, связанных с Д. М. Позднеевым, к примеру, опубликованные ныне работы Николая Японского, статьи О. О. Розенберга и др.

Среди прочего, в этом разделе под номером 180 числится «Учебник разговорного японского языка» (стеклографированный экземпляр, датированный ориентировочно 1930-ми гг.). Автором учебника назван Иван Хван.

Учебник представляет собой семь сшитых белой ниткой самодельных тетрадей, каждая из которых содержит по одному уроку. Всего 6 уроков: три урока для студентов первого года обучения (темы: «японский дом», «школьная аудитория», «общезитие») и три урока для студентов второго курса (темы: «японская гостиница», «европейская и японская еда», «правила поведения при визите»). Еще одна тетрадь — второй экземпляр первого урока для первого курса. Скорее всего, это листы из какого-то японского учебника, весьма маловероятно, что автором этих уроков был И. Хван. К сожалению, кому принадлежит авторство оригинального японского учебника, нам неизвестно. Однако И. Хван поработал над учебником, снабдив его русскими эквивалентами многих выражений, списками вопросов и грамматических образцов. Кроме того, помимо печатного текста имеется тот же самый текст, написанный от руки, скорее всего самим И. Хваном. В некотором смысле, можно считать, он стал соавтором этого учебного пособия.

Почти на всех тетрадях на лицевой странице фиолетовыми чернилами написано от руки «Хван», «Хван И. П.», на одном экземпляре стоит подпись «ХИП». Любопытно, что некоторые тетради содержат записи и пометы, сделанные, скорее всего, японским преподавателем (судя по тому, как записаны иероглифы), хотя точно утверждать этого нельзя. В некоторых тетрадях записи сделаны на «оборотках», среди которых встретилась, к примеру, страница, посвященная монгольской грамматике и монгольской графике — скорее всего, с этим экземпляром работал сам Д. М. Позднеев. Каким образом эти тетради попали к Позднееву и почему они сохранились в его архиве — непонятно.

Однако интерес эти тетради представляют не столько как учебник, сколько как единственное материальное подтверждение существования некоего Ивана Хвана. Это имя было мне совершенно неизвестно, я никогда не слышала о таком преподавателе, не видела его публикаций или каких-либо ссылок на него. Ни в архиве Позднеева, ни в каких-либо других источниках это имя не встречалось. Однако факт его существования подтверждал учебник, который я держала в руках. Я заинтересовалась этим персонажем и занялась поисками.

Впервые, имя Ивана Хвана я обнаружила в воспоминаниях Е. Н. Невской, которая тепло вспоминала о японцах, бывавших в родительском доме, и среди них отмечала «Нину Нами, “молодую, очень симпатичную, веселую и жизнерадостную женщину”, которая первое время бывала у них вместе со своим мужем Хваном Иваном, который был значительно старше ее»².

Второй раз это имя всплыло в следственном деле Н. А. Невского, согласно которому Иван Хван был секретным сотрудником НКВД, однако по заданию Невского «сообщал НКВД сведения, не соответствующие действительности, чтобы отвлечь внимание НКВД от контрреволюционной деятельности»³ группы лиц, в которую входили сам Невский, его жена, Ю. Щуцкий, Б. А. Васильев, Иван Хван и др.

Установить личность и биографию этого человека помог том «Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)» (Изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. (Социальная история отечественной науки о Востоке)). Приведем полностью соответствующие статьи.

ХВАН Иван Петрович (корейская фам. дана по соображениям секретности, наст., япон. имя — Нагахана Маруя⁴ (1902–1937).

Японовец. Родился в Японии. В 1918 эмигрировал в США. Окончил двухгодичные курсы английского языка (1920–21) и электроавтомобильную школу (1925–26). Работал шофером, механиком в гараже. В 1927 вступил в Ассоциацию японских рабочих, проживающих в США. С 1928 член Компартии США. Делегат от японских рабочих США на конференции

² Невская Е. Н. О родителях // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 528.

³ Там же. С. 534.

⁴ 永浜丸也.

Панамериканской антиимпериалистической лиги в Лос-Анджелесе. В конце 1931 арестован за коммунистическую деятельность, провел 3 месяца в тюрьме. В конце 1932 вместе с женой (см. Н. П. Нами) выслан в СССР. Учился в КУТВ (Коммунистическом университете трудящихся Востока). В 1934 командирован вместе с женой в Ленинград. Преподавал японский язык на Особом (Япон.) секторе ЛВИ. В 1936 развелся с женой, жил с маленьким сыном. Завербован НКВД для слежки за Н. А. Невским, его женой И. Мантани-Невской и преп.-японцем М. Мори. Сообщил об этом Невскому. Арестованного Невского вынудили дать показания, будто он через Хвана передавал НКВД дезинформацию, чтобы отвлечь внимание от своей «КРД»⁵. Оставшийся на свободе и продолжавший преподавать Хван был арестован 23 ноября, в день вынесения приговора Невскому и ряду др. востоковедов, и на след. день, 24 нояб. 1937, расстрелян вместе с ними, по-видимому, даже без символического «суда». Настоящее имя Хвана установлено японским историком проф. Икко Фудзии при содействии Е. Н. Невской в мае 1997.

Арх.: ЦГА СПб. Ф. 7222, оп. 25, д. 181

Сведения об Иване Хване содержатся также и в Ленинградском мартирологе (т. 8)⁶, который гласит:

Хван Иван Петрович (варианты ФИО: Нагахана Маруя) Родился в 1902 г., Японии; японец; беспартийный (б. член Компартии США); в 1932 г. выслан из США в СССР, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, преподаватель японского языка в Особом секторе⁷ Ленинградского восточного института. Проживал: г. Ленинград, пр. Добролюбова, д. 6/2, кв. 11.

Арестован 24 ноября 1937 г.

Приговорен: Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12 января 1938 г., обв.: ст. 58-6 УК РСФСР.

Приговор: ВМН Расстрелян 18 января 1938 г. Место захоронения — г. Ленинград⁸.

В «Людах и судьбах» также есть информация о бывшей жене Ивана Хвана — Нине Нами.

НАМИ (Нам) Нина Петровна (наст. имя: Нагахана Сайо⁹ (1911–1938).

⁵ То есть контрреволюционной деятельности.

⁶ Мемориал. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index22.htm> Дата обращения: 09.01.2013.

⁷ В этом особом отделе готовили военных переводчиков с японского.

⁸ Обратим внимание на несоответствие дат в официальных документах.

⁹ 永浜さよ.

Японовед. Родилась в г. Ринин, Корея. Японка по национальности. Жила в США, как политэмигрантка прибыла в СССР вместе с мужем Нагахаму Маруя (см. Хван И.) в начале 1933. С сентября 1934 доцент Особого (Японского.) сектора ЛВИ. Была частой гостьей в семье Н. А. Невского. Бывш. муж Н., И. Хван, был арестован по «делу Н. А. Невского» и расстрелян в один день с ним, 24 нояб. 1937. В документах следствия Н. называлась в числе членов «контрреволюционной группы». Тем не менее, она еще какое-то время оставалась на свободе и по-прежнему жила в общежитии ЛВИ. При аресте в 1938 выбросилась из окна общежития, с 5-го этажа. Настоящее имя Нами установлено японским историком, профессором Икко Фудзии при содействии Е. Н. Невской в мае 1997.

Лит.: Невская, 1992. С. 90–97

Хочется обратить внимание, что в электронном списке, составленном в рамках проекта «Возвращенные имена» — единого электронного банка данных жертв политических репрессий, также числится Нина Нами.

Нами Нина Петровна (Омачида Саеко), 1911 г. р., уроженка префектуры Кагосима, японка, беспартийная, перед арестом без определенных занятий, проживала: г. Ленинград, пр. Максима Горького, д. 5, кв. 25. Арестована 12 февраля 1938 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 апреля 1938 г. приговорена по ст. ст. 58-1а-9-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстреляна в г. Ленинград 20 мая 1938 г.¹⁰

Сначала я решила, что речь идет о другой Нине Нами, поскольку здесь и фамилия другая, и место рождения, и дата и обстоятельства смерти не совпадают. Однако позже, внимательно вчитавшись в то, что установил профессор Фудзии Икко¹¹, я поняла, что бесспорно, речь здесь идет о Нагахаму Саё, только здесь указана ее девичья фамилия Омачида (大町田), которая также фигурирует в рассказе проф. Фудзии¹².

Обращает на себя внимание другое — в этой справке, несомненно, полученной из официальных источников, утверждается, что она была расстреляна. Машина планомерного истребления людей не могла допустить отклонения от правил — если человека приговари-

¹⁰ Проект «Возвращенные имена» URL: http://vizz.nlr.ru/search/lists/t10/237_0.html
Дата обращения: 09.01.2013.

¹¹ Мы ссылаемся на рассказ историка Фудзии Икко «Выяснение судьбы Нагахаму Маруя и Саё» (永浜丸也・サヨの身元が判明), опубликованный на сайте: <http://www.geocities.jp/ifuji2/nagahama.html>. Дата обращения: 09.01.2013.

¹² 藤井一行 (род. в 1933) — политолог, русист.

вали, он должен был быть расстрелянным, он просто не имел права на самовольный уход из жизни, не дожидаясь «справедливого возмездия». Так и без того скудные сведения о безвинно репрессированных людях обрастали фальшивыми обвинениями и ложными датами.

История супругов Нагахана — всего лишь частный случай более общей трагической темы о судьбе японцев, работавших или эмигрировавших в 1930-е гг. в СССР. Далеко не все из них прибыли в СССР по политическим убеждениям, некоторые из них просто последовали за своими мужьями, или, оказавшись в России, связали свою судьбу с русскими женами. Но все они, в результате, оказались «врагами» советской власти, подозревавшей в них шпионов имперской Японии. В России эта тема долгие годы оставалась в зоне умолчания, в то время как с начала перестройки и открытия архивов японские журналисты и историки стали активно заниматься разысканиями материалов, проливающих свет на судьбы их соотечественников, бесследно исчезнувших на просторах СССР. Согласно японскому исследователю Като Тэцуру, общее число репрессированных японцев в тридцатые годы неизвестно, по его оценке оно колеблется около отметки в сто человек, однако поименно удалось установить только 80 человек¹³. При этом имена четы Нагахана помещены в дополнительный список лиц, «которых с высокой долей вероятности репрессировали»¹⁴. Книга Като Тэцуру вышла в 2002 г., по-видимому, тогда еще были неизвестны обстоятельства гибели супругов, уже находившихся в разводе. Тем не менее, короткие справки, приведенные о них в книге Като Тэцуру, содержат информацию, которая несколько противоречит данным из русских источников. В частности, в российских источниках говорится о том, что он обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И. В. Сталина (сокр. КУТВ). Это учебное заведение, созданное в 1921 г. специально для студентов азиатских национальностей, готовило иностранных студентов «к борьбе за установление коммунизма в своих странах, для организации восстаний и революций»¹⁵. Как нам кажется, подобная формулировка как нельзя лучше

¹³ *Като Тэцуру* 加藤哲郎. Коккё-о коэру ютопия. Кокумин кокка-но эругородзи (国境を超えるユートピア。国民国家のエルゴロジ。 Утопия, преодолевающая границы государств. Эргология национального государства.). Токио: Хэйбонся, 2002. С. 135.

¹⁴ Указ. соч. С. 182.

¹⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/Коммунистический_университет_трудящихся_Востока_им._И._В._Сталина

подходила для работников НКВД, которым даже не надо было придумывать обвинения для задержанных впоследствии выпускников этого заведения. Кстати, многие из учившихся в КУТВ иностранных студентов азиатского происхождения жили под фальшивыми фамилиями, часто русскими. Возможно, это объясняет, почему чета Нагахана была известна под псевдонимами Иван Хван и Нина Нами. Между тем, в числе более успешных и везучих выпускников этого заведения были такие политические деятели как Дэн Сяопин, Хо Ши Мин, Катаяма Сэн и др. А японские источники утверждают, что каждый из супругов Нагахана в 1935 г. был приписан к московскому восточному институту им. Н. Нариманова, бывшему тогда учебным заведением. Думается, что более логичным представляется первый вариант. Любопытно, что ни японский исследователь Като Тэцуру, ни справочник «Люди и судьбы» не отмечает, что супруги Нагахана нелегально через Мексику перебрались в США, в Лос-Анджелес, как утверждает исследователь Фудзии Икко. Не вполне понятно также, почему местом рождения Нагахана Саё называется Корея, в то время как Фудзии Икко утверждает, что она была родом из Кагосима. Впрочем, все эти расхождения не имеют принципиального значения.

Найденная тетрадь — единственный след изломанной и короткой жизни человека, сгнувшегося на чужбине. К несчастью для него, он был не только иностранцем, волею судьбы оказавшимся в СССР, но к тому же был неплохо знаком с семьей Невского, именно эти два обстоятельства и оказались для него роковыми. Подчеркнем еще раз, что даже завербованный НКВД, Нагахана Маруя не побоялся прийти к Н. А. Невскому, чтобы предупредить его о слежке. Такой поступок требовал в те годы немало личного мужества.

Однако до конца 90-х годов XX в. даже настоящее имя этого человека было неизвестно.

Собственно, от этой японской четы ничего не осталось, судьба их маленького сына неизвестна. Скорее всего, он тоже сгинул в одном из многочисленных детских домов для детей «врагов народа», видимо, даже не подозревал, что является по рождению японцем, а не корейцем (и то только в том случае, если ему оставили «вымышленную» фамилию одного из родителей).

Сохранились только тетради из учебника, чудом уцелевшие среди бумаг Позднеева. Это единственный материальный след того, что эти люди существовали, верили и надеялись на лучшую справедливую жизнь в СССР, в котором полным ходом шло строительство коммунистического общества. К сожалению, реальность оказалась

совершенно иной, потребовав от этих очень еще молодых японцев отдать свои жизни всепожирающему молоху сталинской системы.

И все же эти странички из учебника не пропали, оставив нам память о трагической судьбе Нагахана Маруя и его жены, и не только их, но и всех японцев, сгинувших в советской России в тридцатые годы. И вправду, «рукописи не горят».

Karine Marandjian

**THE FINDING IN THE ARCHIVE OF D. POZDNEEV (1865–1937)
IN THE MANUSCRIPT DEPARTMENT
OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA**

In the archive of Russian Orientalist Dmitry Pozdneev kept at the RNL in the section “Different materials” we found several notebooks titled “Manual of Japanese Language” and signed by Ivan Hvan. Six lessons of Japanese are intended for the first and second year students.

Ivan Hvan is a false name of Nagahama Maruya (1902–1937), Japanese communist deported from the USA to the USSR in 1932. He was recruited by NKVD to spy after N. Nevsky and his wife, informed them about it and soon after their arrest was executed by shooting in 1937. The manual from the NLR is the only material “evidence” left as a proof of this man’s short and dreadful destiny.